
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

ТАЙНЫ ДУХА И ПРОБЛЕМЫ НАУКИ*

В.М. Найдыш

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Тайна и научная проблема существенно различаются характером взаимодействия в них когнитивного и ценностного функционалов сознания. Тайна есть форма духовности, где познание и переживание действительности представляют собой некое синкретическое единство. И потому тайна — это принципиально неинтерпретируемая форма духа. В научной проблеме познавательное доминирует над ценностным, проблему можно превратить в конечное число доступных, алгоритмически решаемых задач. Проблемы вводят субъект в поле непознанных структурных отношений действительности. А тайны напоминают человеку о бесконечности бытия.

Ключевые слова: когнитивное, ценностное, сознание, тайна, образ, проблема, мышление, абстракция.

На рубеже XX—XXI вв. существенно меркнет в общественном сознании образ «прозрачного мира», в соответствии с которым мир, в котором мы живем, полностью просвечивается «естественным светом разума» [1], в нем нет и не может быть вечных тайн, в природе все подвластно «свету Разума»; рано или поздно все тайны превратятся в научные проблемы и однозначно, до конца, абсолютно исчерпывающе будут раскрыты усилиями человеческого мышления.

Грандиозные усилия потрачены человечеством на познание природы, ее практическое преобразование; накоплены колоссальные массивы знаний, разработано и используется множество производственных технологий, создан целый мир техногенной цивилизации, но таинственность мира при этом нисколько не уменьшилась, а, скорее, наоборот — еще больше возросла.

Мир и «прозрачен» и «непрозрачен». Мир познаваем, и в тоже время он полон тайн. Вселенная и сейчас еще во многом, и что самое важное — в основном, остается тайной. Хотя, конечно же, отдельные ее сферы достаточно полно освоены и объяснены системой человеческого познания.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, исследовательский проект № 12-03-00409а

С прогрессом науки и техники не только ухудшаются нравы и человеческая мораль, как заметил в свое время еще Ж.-Ж Руссо, но одновременно увеличивается и число тайн мира. В этом состоит один из интереснейших парадоксов духовного развития человечества: исторически изменяются те культурные формы (формы сознания), в которые облекаются констатации загадочности бытия, но неизменной остается тенденция роста таинственности мира для человека. С ростом масштаба культурно-исторического действия зависимость человека от мира не уменьшается, как этого следовало бы, казалось, ожидать, а, наоборот, еще больше увеличивается.

На смену сверхоптимистическому представлению о том, что у природы можно «вырвать любые тайны», приходит ощущение исходной мистериальной зависимости человека от Бытия. Исчезли чудеса, но остались тайны. Вновь, как и много веков назад, тайна становится значимой и действенной составляющей духовной жизни, а значит, и своеобразным объектом философско-антропологического анализа. Такое настроение особенно усиливается по мере нарастания глобальных проблем современности, прежде всего непредсказуемости экологического кризиса. По-видимому, все-таки мистериальность бытия — это не омертвевшая, не отжившая свой век форма духовности, а такая универсальная культурная форма, которая и в наш век, на этапе техногенной цивилизации задает горизонт человеческого самоопределения.

Тайна — особое состояние человеческого духа. Она способна включать в себя и интегрировать любые его формообразования. Поэтому тайны всегда были мощными центрами концентрации и актуализации многогранного содержания человеческой духовности. Токи высокой духовной напряженности, сопровождающие тайну, — результат не только ее содержания и структурных особенностей, но и того особого места, которое она занимает в исторически определенной иерархии системы духовных форм и в динамике функционирования этой системы в материальной культуре. Каждый исторический тип сознания, культуры имел свои собственные «механизмы» порождения тайн, вырабатывал свое собственное отношение к тайне, собственное ее понимание. История духа содержит в себе целые пласты различных типов отношения человека к тайне, что дает основания говорить даже о существовании особой «археологии тайны» [2].

Каковы же принципы рационально-философского анализа феномена тайны как особого состояния человеческого духа?

В качестве объекта философского познания тайна предстает прежде всего как некое своеобразное состояние человеческого духа, в котором при аналитическом рассмотрении отчетливо выделяется два полюса, основополагающих компонента: когнитивный и ценностно-аффективный. Первый представлен *образами* тайны, а второй — *переживаниями* тайны. Образы тайны — это представления о существовании некоторых сторон бытия, которые (пока или принципиально) не подвластны познавательным устремлениям человека, рациональному постижению и логическому освоению их человеком, но сами тем или иным образом могут оказывать определенное влияние на протекание его жизнедеятельности, проявляясь при этом и в эмоционально-аффективных формах. Переживания тайны — это

и есть те эмоционально-аффективные формы, которыми сопровождаются образы тайны, которые сплавлены с этими образами, сосуществуют с ними. (Наиболее яркой и эмоционально насыщенной такой формой являются мистические экстазы.)

Бинарная структура тайны определяет возможность трех фундаментальных отношений субъекта к тайне [3]. *Первое отношение* — ценностно-образное, эмоционально-аффективное; здесь тайна в первую очередь чувственно *переживаться* субъектом, а не сводится к расширению *знаний* о своем предмете. Именно на этой основе складывается мистицизм как особый род духовной жизни. *Второе отношение* — когнитивное, в русле которого тайна выступает как форма проявления некоторых объективных сторон бытия, которые могут быть (рано или поздно) раскрыты познавательной активностью субъекта. Здесь признается возможность трансформации любой тайны в конкретно-научную проблему. И, наконец, *третье отношение* субъекта к тайне — философское, предполагающее рационально-теоретическое постижение тайны как особого состояния духа, как некоторого закономерного момента в системно-исторической динамике культуры. В таком философском отношении к тайне она выступает как некоторая особая форма единства образно-когнитивного и ценностно-аффективного аспектов сознания.

Конечно же, тайна не должна и не может быть монополией мистицизма. Любая тайна может и должна быть предметом также и рационалистического анализа, конкретно-научного познания или философско-теоретического. И это при том, что прямого пути от тайны к проблеме, строго говоря, нет. Идущее от новоевропейского рационализма, широко распространенное представление о том, что любая тайна есть всегда лишь закамуфлированная научная проблема, является несомненным упрощением. Потенциально любая тайна действительно рано или поздно может перерасти в научную проблему, но это вовсе не означает, что каждая из тайн духа (и все они вместе) на самом деле рано или поздно станут такими проблемами. Между тайной и научной проблемой есть моменты несовместимости. Прежде всего, тайна и проблема различаются характером соотношения и функционирования в них когнитивного и ценностного функционалов сознания.

Сознание — ядро, основа, «мотор» духовной культуры [4]. Поэтому глубинные тенденции, закономерности динамики духовной культуры определяются в конечном счете закономерностями деятельности сознания, его исторически изменяющейся структурой. История духовной культуры характеризуется сменой конкретно-исторических типов сознания, целостность которых задается некоторой формой *фундаментального отношения сознания*. Фундаментальное отношение сознания — это субстанциально-организационная основа системы сознания, постоянно воспроизводящаяся во всех конкретных целостных продуктах его функционирования. Понятие «фундаментальное отношение сознания» возникает как необходимое следствие приложения требований системно-структурного анализа к такому объекту, как сознание.

Какие характеристики сознания воплощены в его субстанциально-организационной основе? Ответ на этот вопрос зависит от выбора той или иной конкретной концепции сознания [5]. С позиций материалистической гносеологии сознание является результатом отражения действительности активно действующим, исторически развивающимся, коллективным, сложно структурированным субъектом.

Сознание всегда есть некий *образ* действительности. Но образ — это сложно структурированный феномен. Как отмечал С.Л. Рубинштейн, «образ — не идеальная вещь, существующая наряду с предметом, а образ предмета... Образ — это всегда образ чего-то, находящегося вне его. *Само понятие образа предполагает отношение к тому, что он отображает...* Образ как таковой конструируется познавательным отношением чувственного впечатления к реальности, находящейся вне его и не исчерпывающей его содержанием» [6]; «образ вещи так же объективно, закономерно зависит от условий ее восприятия, как сама вещь — от условий ее существования» [7]. Иначе говоря, любой образ как продукт сознания заключает в себе двойственное отношение: к отображаемому предмету и к субъекту и условиям отражения.

Отношение к отображаемому предмету представлено знанием. Знание есть всегда осознание мира, находящегося вне самого сознания, поэтому именно знание есть продукт, условие и непрерывно воспроизводящийся момент сознания. Когда мы говорим, что человек обладает сознанием, то прежде всего подразумеваем, что человек обладает определенной системой знаний, т.е. таких объективированных в словах, знаках, навыках, схемах и других формах обобщенных элементов сознания, благодаря которым различаются, специфицируются вещи, предметы материального мира, сам человек и его отношение к внешнему миру. Эта система складывается в историческом опыте человечества и каждым отдельным индивидом заново осваивается в процессе его социализации, обучения, образования и т.д.

Знание, безусловно, является сердцевинной, ядром сознания, но содержание сознания не может быть сведено только к знанию. Оно содержит в себе и отношение к субъекту, условиям отражения. И потому, кроме знания, сознание имеет еще одну сторону — эмоционально-волевою, аффективную, сферу переживания действительности, являющуюся способом выражения отношения субъекта к тому, что он отражает и преобразовывает, способом выражения его потребностей, интересов, целей.

Всякий психический процесс в его конкретной целостности не может быть сведен только к его познавательному аспекту. «Вещи и люди, нас окружающие, явления действительности, события, происходящие в мире, так или иначе затрагивают потребности и интересы отражающего их субъекта. Поэтому психические процессы — это процессы не только познавательные, но и «аффективные», эмоционально-волевые. Они выражают не только знание о явлениях, но и отношение к ним: в них отражаются не только сами явления, но и их значение для отражающего их субъекта, для его жизни и деятельности» [8]. Сознание — это не только знание о мире, но и переживание мира в его отношении к субъекту, к условиям его жизнедеятельности. Человек не только познает мир, но и оценивает его свойства с точки зрения их значимости для удовлетворения своих потребностей. Функции же оценки всегда признавались за эмоциями, которые выступают субъективной формой представления потребностей. Истоки такой когнитивно-ценностной двойственности сложились в эволюционном процессе и коренятся в той функции, которую выполняет психика: регулирования поведения (с целью удовлетворения потребностей) организма в среде на основе ее отражения. Для регуляции поведе-

ния в среде психика должна воспроизводить как конкретные особенности пространственно-временной ситуации, в которой находится организм, так и потребности организма. Особенности среды отражаются не сами по себе, а в их отношении к потребностям организма [9].

Это позволяет сделать вывод, что наряду с познавательной сферой (познавательным, когнитивным отношением, системой знаний) сознание включает в себя еще и сферу ценностей (ценностное отношение) с ее аффективно-эмоциональной составляющей. А функционирование сознания может быть теоретически реконструировано как постоянное воспроизведение и разрешение противоречия между когнитивным (объективно обусловленным) и ценностным (субъективно значимым, переживаемым) аспектами сознания. В этом противоречивом соотношении когнитивного и ценностного и выражено, на наш взгляд, фундаментальное отношение сознания [10]. Воспроизведение сознания как некоторой целостности (и в синхронии, и в диахронии) предполагает воссоздание когнитивно-ценностной двойственности, полярности (формирование образа и личностное отношение к этому образу) и любого завершенного акта сознания, и всей системы сознания в целом.

Можно предположить, что фундаментальное отношение сознания является отражением инвариантного для каждого исторического типа практики параметра: {характер деятельности + тип общения}. При этом деятельность развивает преимущественно когнитивный, а общение — ценностный полюса фундаментального отношения сознания. В зависимости от продвинутости исторически складывающихся форм деятельности и общения этот параметр приобретает разное содержание. Соответственно, по-разному разворачивается и фундаментальное отношение сознания к объекту: на первый план может выдвигаться либо когнитивное, либо ценностное, либо их единство (недифференцированное или дифференцированное).

По мере исторического развития форм деятельности и общения над фундаментальным отношением сознания надстраиваются производные структуры сознания, определяющие конкретно-исторические особенности форм связи чувственного и рационального, эмпирического и теоретического, потребностно-мотивационного и субъективно-ценностного, субстратного и структурного компонентов сознания, и т.д. Таким образом, каждый конкретно-исторический тип сознания характеризуется определенной структурой, иерархией взаимодействий, надстраивающихся над фундаментальным отношением сознания.

Анализ показывает, что тайны создаются совместными усилиями рационально-познавательного и эмоционально-ценностного аспектов сознания. Тайна есть форма духовности, где знание мира и его оценка, познание и переживание действительности не дифференцируются друг от друга, не противостоят друг другу, а представляют собой некое синкретическое единство. Этот синкретизм и придает тайне поэтичность. Тайна всегда поэтична. Поэтому она не только мотив и объект познания, но еще и предмет художественно-образного преклонения и восхищения. Тайнственность бытия поглощает человека всего, целиком, со всеми (и разумно-мыслительными и эмоционально-образными) сторонами его духовности.

Иначе говоря, там, где есть тайна, там разделение на когнитивное, познавательное и оценочное, ценностное отношение человека к миру становится относительным. И потому тайна — это принципиально неинтерпретируемая форма духа. В проблеме дело обстоит иначе — здесь познавательное уже доминирует над ценностным, рационально-логическое над чувственно-эмоциональным. И поэтому проблему можно решить, т.е. превратить ее посредством рационально-мыслительной деятельности в конечное число доступных, решаемых по алгоритмам задач, в объясняемое и доказанное знание. Иначе говоря, проблема разрешается и таким образом «снимается».

У тайны же другая судьба. Тайна неразрешима такими средствами, какими разрешается проблема. Тайна не переводится в рациональные структуры полностью, целиком. Разум может лишь слегка приоткрыть завесу тайны, но не исчерпать ее полностью. Тайна может отделить от себя свою внешнюю, поверхностную, событийно-конкретную сторону, превратив ее в проблемы, цикл задач, и затем передать их для рационально-понятийного освоения. Но при всем при этом глубинные основы тайны вовсе не теряют своей мистериальности. Даже наоборот — снятие разумом «воздушного» покрывала с тайны обычно делает ее еще более таинственной: «обнажает» бытие как целостность, раскрывает бездны его бесконечности, непредсказуемости и стихийности, и в результате — еще более отдаляет бытие от познавательного отношения к нему субъекта. В отличие от проблемы, тайну человек не может познавательным и рациональным исчерпать; он может только «носить» ее с собой.

Но и функции тайны в системе духовности отличны от функций в ней проблем. Проблемы напоминают человеку о том, что за каждой решенной задачей всегда лежит новое поле непознанных структурных отношений действительности. Функции тайны в другом — она напоминает человеку о бесконечности бытия, о том, что эта бесконечность проходит через самого человека, через его духовность, что только через усвоение исторически сложившихся и обращенных в бесконечность культурных форм человек может стать... Человеком. И потому для человека гораздо опаснее неразрешения тайны другое — потеря Тайны. Утеря тайны грозит человеку опасностью особого рода — утратой необходимого чувства напряженности в отношениях с миром, а вместе с ним и основ своей духовности, основ самого себя. И потому если проблема разрешается (или не разрешается) конкретными науками, то тайна во всей ее полноте выражается и воспроизводится философией и мифологией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Декарт Р. Начала философии. Избранные произведения. — М., 1960. — С. 439.
- [2] См.: Найдыш В.М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. — М., 2002.
- [3] См.: Найдыш В.М. Трансгуманизм и «поле возможностей» когнитивных технологий // Вестник РУДН. Серия «Философия». — 2013. — № 1.
- [4] Мы исходим из того, что именно сознание, а не бессознательные элементы духа (архетипы, интуиция, установки, автоматизмы действия, некие инвариантные структуры и др.) непосредственно определяет тип духовности. Хотя существуют и другие подходы к решению этого вопроса.

- [5] См.: Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. — М., 2001. — С. 163—167.
- [6] Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. — М., 1975. — С. 32 (курсив мой. — В.Н.).
- [7] Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. — М., 1975. — С. 63.
- [8] Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. — М., 1975. — С. 263—264.
- [9] Разделение когнитивного и ценностного функционалов сознания, двойственность непосредственной связи сознания с внешним миром (а) через ощущения высших анализаторов; б) через систему не всегда осознаваемых, но влияющих на сознание потребностей), очевидно, вызваны межполушарной асимметрией мозга, которая придает различию когнитивного и аффективно-эмоционального аспектов сознания не только функциональный, но и структурный характер. Как показывают нейропсихологические исследования, «чувственное познание связано в основном с деятельностью правого полушария, а абстрактное познание — с работой левого, но в нормально работающем мозге эти две формы познания невозможно рассматривать изолированно» (Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга. — М., 1986. С. 10).
- [10] В разных психологических школах сложились различные подходы к выражению такого фундаментального отношения. С.Л. Рубинштейн выделял знание и переживание как стороны фундаментального отношения сознания: «Подлинной конкретной «единицей» психического (сознания) является целостный акт отражения объекта субъектом. Это образование сложное по своему составу; оно всегда в той или иной мере включает единство двух противоположных компонентов — знания и отношения, интеллектуального и «аффективного»..., из которых то один, то другой выступает в качестве преобладающего» (Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. С. 264). В рамках того деятельностного подхода к сознанию, который разрабатывался А.Н. Леонтьевым и его школой, полюсами фундаментального отношения сознания выступают значение и смысл. По словам А.Н. Леонтьева, особенности строения сознания раскрываются «как особенности отношения смыслов и значений» (Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975. — С. 280). Ж. Пиаже писал об аффективной и когнитивной жизни сознания (Пиаже Ж. Избр. психол. труды. — М., 1969. — С. 64).

MYSTERIES OF SPIRIT AND SCIENCE PROBLEMS

V.M. Naydysh

Department of Ontology and Epistemology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maclay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

In this paper is shown that such characteristics of knowledge as the mystery and the scientific problem are different by their essence from the viewpoint of the cognitive and values consciousness' function. The mystery is a form of spirituality, where the knowledge and experience of reality are a kind of the syncretic unity. Therefore, the mystery is uninterpreted form of the spirit in essence. I show that cognitive features dominate over the value features inside the scientific problem. So, the problem can be transformed into a finite number of available, algorithmic tasks. The problems 'task is to introduce the subject of knowledge into the field of the unknown structural relationship of reality. A mystery brings to mind the person about the infinity of being.

Key words: cognitive, value, consciousness, the mystery, image, problem, thought, abstraction.